

Натиг РАСУЛЗАДЕ

Народный писатель

(Продолжение. Начало № 5)

Мама, тяжело переставляя ноги, вошла в его комнату. Она очень постарела, заметил он про себя, впрочем, тут же прибавил он, вполне естественно, что чем больше живешь, тем больше стариться, обратного процесса, к сожалению, нет. Некоторое время она молча, тяжело переводя дыхание, смотрела на него.

- Фуад, - сказала она тихо.

Он недоуменно посмотрел на нее. Она присела на краешек кровати. - Нет больше нашего Азада, - она всхлинула. - Что ты, мама, - сказал он. - Я здесь, не плачь.

Но она продолжала плакать и причитать о чем-то своем. Мама совсем больна, подумал он, и тут вовремя вспомнил, что у него сегодня утром важная встреча.

- Я всю ночь не спала, вспоминала его, каким он был, - продолжала она, тихо плача, не замечая его светлых движений. - Он много мне крови попортил, много нервов потрепал, бывало, ночами не сплю, жду его, волнуясь, а он ни на утро, ни на следующее не приходил, пропал по суткам, по неделям, я на первых порах звонила в милицию, по больницам, по моргам искала его, - она вдруг громко зарыдала, - но пусть лучше так, пусть все, что угодно, лишь бы был, лишь бы был мой сынок, - она немного помолчала и снова заговорила, поглядывая на него. - Не то что ты, сыночек, он был полной противоположностью тебе, будто вы не только не близнецы, но и не братья вовсе, совсем на тебя не был похож, ты спокойный, рассудительный, тихий, а от него, помнишь, вся улица в детстве плакала, как выходил, все пряталась, знали - жди неприятностей, как Азад показался на улице... Ты что, Фуад, куда-то собираешься? ..

Эти двое ждали его, как договаривались, в маленьком, безлюдном переулке, аппендицитом отростком уходящем от одной из центральных улиц города. Завидев его, они подошли и молча передали ему кулек из плотной бумаги, какие продают здесь на базарах. Он, не говоря ни слова, взглянул в кулек - там лежали деньги: две внушительные пачки зеленых купюр.

- Как договаривались, - сказал один из них. - Будешь пересчитывать?

Он помотал головой.

- Не беспокойся, - сказал второй. - Как в аптеке. Бумажка к бумажке.

- Созвонимся, - сказал первый, и они ушли.

Он взял кулек подмышку и вышел из переулка. Ноги сами привели его к Лале. Входя в подъезд, он поднял голову, оглядел фасад дома, окна на втором этаже, дом казался знакомым, а в подъезде он к тому же отчетливо вспомнил запахи, острые, сложные, неприятные запахи, которые никакими силами нельзя было выветрить отсюда. Как давно я здесь не был, подумал он, поднимаясь по лестнице, и тут вдруг очень ярко вспомнил объятия Нале, ее стоны в постели, которые приводили его в неистовство, их с ней любимые позы. Она открыла ему дверь и чуть не вскрикнула, увидев его на пороге. Вид у нее был крайне утомленный, усталый.

- Ты?! - в каком-то суеверном ужасе воскликнула она.

- А ты кого-то другого ждала? - спросил он входя. - А? Что тут неожиданного, в моем приходе?

- Нет... - растерянно проговорила она. - Но мне... мне...

- Что тебе? - спросил он, проходя в комнату и спокойно разваливаясь на диване. - Давай, рожай.

- Мне сказали, что ты... что будто ты умер, - произнесла она наконец.

- Вот это здорово, - покивал он, раз-

- Фуад, дорогой, где ты был? - постарчески запричитала мать тут же, как услышала его голос в трубке, не вникая в то, что он говорит ей. - Я так волновалась. Вчера Маша звонила из Москвы, тебя спрашивала, а я и не знала, что ей сказать.

- Ладно, ма, мне пора, вечером позвоню. Не забудь с тетей договориться, - и он повесил трубку.

"Бедная ма совсем плоха, - думал он, шагая по улице, - упорно зовет меня Фуадом... Скучает, видно, по нему... Впрочем, она и в детстве постоянно путала нас... Но Маша... Какого черта ей от меня нужно?... Спрашивала меня, говорит... Странно, странно, весь мир свихнулся будто... Лучше б она за своим мужем ухаживала. Кажется, у них с Фуадом не очень-то ладится в последнее время... За три года ребенка даже не назвали..."

- Эй!

Окрик совпал с пронзившей его, как судорога, картинкой, вырв вставшей перед глазами. Краешком сознания понимая, что окликнули именно его и окликнувший торопливо подходит, он неожиданно остановился, будто оглушенный, внезапно вспомнив стюардессу с подносом,

Б Р А Т

глядывая ее с ног до головы, и тут вдруг ощутил сильный прилив желания.

- Еще что скажешь веселенького? - спросил он, поднимаясь, подошел к ней вплотную, повалил ее на диван и грубо, без всяких ласк взял, намеренно делая больно и получая удовольствие от ее криков. Потом, когда оба умиротворенные лежали на диване, он спросил: - Теперь убедилась, что я не умер?

- Теперь - да, - сказала она. - Еще как не умер.

- Я приду сегодня ночевать, - сказал он. - И может, завтра тоже. С матерью творится что-то неладное.

- А что? - она спросила с такой заботливостью в голосе, что ему сделалось немного неприятно, и он пожалел, что вообще заговорил об этом. Надо было к Кате пойти, та не сует свой нос куда не надо, запоздало подумал он.

- Ну... странности... - тем не менее, хоть и неохотно, ответил он. - Меня с Фуадом пугает, и вообще...

- Но ведь за ней, наверно, надо присматривать сейчас.

- Тетя с ней побудет. Родни у нас как собак нерезаных. Мне надо отдохнуть немного, ее разговоры меня раздражают, в последнее время вопросы какие-то нелепые задает...

- А ты сама нормально себя чувствуешь? - спросила она.

- Нет, - сказал он. - Ненормально. Все время трахаться хочется, - он схватил ее в объятия, прижал к себе так, что она пискнула. - Сперма ударяет в голову слишком часто, вот и болит голова.

Утром он позвонил матери.

- Ма, - сказал он, - у меня тут кое-какие дела, меня дня два не будет. Тетя Соня пусть почувет у нас.

себя в самолете, вонь от раздутых ног, самолетный специфический холод, который сейчас достаточно явственно возник в его ноздрях. Что я там делал? Что я там мог делать? Нет, ерунда какая, думал он растерянно. Не был я там и быть не мог, так, что-то застряло в памяти из прошлого, а будто вчера.

- Эй! - и, обгоняя свой крик, кричавший побежал к нему, будто боясь, что он исчезнет, растворится в толпе. Добежал, наконец.

- Что? - коротко спросил он.

- Что?! И ты еще спрашиваешь - что? - с ходу рассвирепел кричавший. - Три месяца тебя нишу. За тобой должок, забыл, что ли?

- Почему же, помню, - спокойно ответил он.

- И что же?

- Готов заплатить.

- Тогда гони два куска. И скажи спасибо, что беру без процентов.

- Спасибо, - он вытаскил деньги, отсчитал двадцать сотенных зеленых купюр и протянул их неизвестному, но очень рассерженному мужчине, который при виде денег резко смягчился и подобрел.

- Я, честно говоря, вчера слышал в казино, что будто бы ты умер, Азад, чего только люди не напридумают, но когда сказали - от менингита, тут же понял - вранье... Такие, как ты, не умирают своей смертью... Если б сказали - от ножа, то еще можно было бы поверить...

- Ты получил свои деньги? - остановил он разговорившегося приятеля. - Я больше тебе ничего не должен?

- Нет, больше ничего, а с тобой в расчете, - довольным тоном ответил тот.

- Тогда и я с тобой рассчитаюсь, - и

мгновенно развернувшись, ударил мужчину в челюсть, тот отлетел, упал, начал, крихтя, подниматься, но он не стал ждать дальнейших событий, повернулся и пошел дальше, куда направлялся до окрика.

Он шагал по улицам и думал, поглядывая на прохожих, что облик его родного города, который он некогда обожал, резко изменился к худшему. Угрюмые, вырожденческие лица людей, приехавших из районов, из деревень, где все родственники женятся друг на друге, порождая кретинизм, составляли теперь генофонд города, когда-то, в недалеком прошлом, на улицах которого почти нельзя было встретить ни одного такого плебейского лица. Харкающие на тротуары мужчины и женщины, перегруженные, как мулы, до отказа набитыми мешками; хамское отродье, чешущее себе зад на людях, отравляющее воздух города, распространяющее вокруг себя смрад и зловоние, паскудные людишки повывезли, понаехали, ковыряют в носу и разглядывают пальцы, прежде чем вытереть об штаны, воинствующие ублюдки, быстро разбогатевшие на торговле и ненавидящие интеллигентное. Короче, все это не прибавляло хорошего настроения человеку, любящему свой город и видящему, во что его превратили. Невольно он стал сравнивать свой город с Москвой, и тут в недоумении снова остановился: при чем здесь Москва? Сейчас, сейчас... Он стоял, словно оцепенев посреди тротуара, уйдя в свои мысли, стараясь найти причину этого непонятного сравнения, стоял посреди тротуара на центральной улице, полной озабоченно сгешащих и бесцельно гуляющих прохожих, и старался сосредоточиться. Ну... ну, просто он знает, что там теперь гораздо более высокий уровень жизни, да и ведь с недавних пор по статистике - самый дорогой город мира, не шутка. Он пошагал дальше, частенько машинально оглядываясь на хорошеньких девушек - смотри ты, оказывается, еще не все повывелись, хватят на наш век. Тут, вроде ни к чему ни к городу, вспомнил он вдруг Фуада, как тот мог часами без дела лежать на диване и о чем-то непостижимом мечтать. Это было непонятно для него, хотя они были близнецами, в детстве одновременно болели, выздоравливали, присыпали на горшок, понимали друг друга с полуслова, лучше, чем мама их понимала, занимались онанизмом, любили один и те же цвета - зеленый и желтый, все у них совпадало, как и должно было быть, но характерами они стали прямой противоположностью друг другу, и эту мечтательность, стремление уйти от реального мира, эту черту характера брата он просто не мог понять, он был слишком деятельным для бесполовых мечтаний, и то, что он не умел, раздражало, сердило его. Из телефона-автомата он позвонил матери. У мамы был охрипший, будто простуженный голос, севший от долгого плача.

- Ма, - сказал он, - я гуляю по городу. Здесь все как с цепи сорвались, торгуют, весь город занимается кулей-продажей.

- Фуад, - сказала она крайне встревоженным голосом, - что с тобой? Что с тобой происходит? Скорее возвращайся домой. Сегодня три дня со смерти Азада. Послезавтра поминальный четверг. Собираются родные, спрашивают тебя, а тебя нет, я не знаю, что говорить, - она заплакала в трубку.

- Что с тобой случилось? Маша звонит по три раза в день...

- А ей что еще надо?

- Как?! Как что?! - возмутилась мать. - Жена она тебе или нет. Как же ей не беспокоиться... Я тут с ума схожу от тора, а тут еще "о тебе тревожиться... Возвращайся сейчас же, я прошу тебя... - Мама, не говори глупостей, - прервал он ее, не придавая значения ее словам. - Со мной все в порядке. Просто у меня дела. Возьми себя в руки, соберись. Я знаю, тебе сейчас нелегко, я приду домой, ма, как только смогу, - и, не слушая ее возражений, он повесил трубку.

Несколько дней, позавбыв обо всем на свете, почти сутками напролет он играл в казино, а когда оно закрывалось, у приятелей, у знакомых дома, и все время ему везло, он крупно выиграл, теперь на руках у него оказалась большая сумма, и невозможно было просто таскать ее повсюду с собой. И потому как-то, еле оторвавшись от интересной игры, он заскочил на минутку домой и, беспеременно отмахнувшись от непонятных, странноватых причитаний и ворчанья матери, спрятал пачки денег в своем старом тайнике, о котором кроме него никто не знал: вынутые сбоку от печки два кирпича создавали идеальную нишу для тайника и плотно закрывались куском кафеля, который уж никак нельзя было заподозрить, что он время от времени превращается в своеобразную дверцу сейфа. Кончив укладывать деньги, он выскочил из дома - ребята ждали - услышав, как мать прокричала ему вслед:

- Маша собирается приехать!

Ночевал он в эти дни то у Кати, то у Лалы, но в основном засыпал от усталости там же, где шла игра. Все партнеры по игре говорили, что ему везет, как обычно, и клялись в последний раз садиться с ним за карты, его невероятное везение устрасало и мало кто выигрывал или оставался при своих деньгах, когда играл с ним, но играл он искусно, играть с ним было интересно и потому, обычно, его не избегали, а напротив, были даже рады, когда он участвовал в общей игре.

Часто - и это было неизбежно - он встречал на улицах родственников, они останавливали его, обычно спешащего, подолгу порою разговаривали, упорно называя его Фуадом, удивленно, недоумевающе поглядывали на него, избегая встречаться взглядами с ним. Он не обращал на все это внимания, посторонние разговоры, а уж тем более, взгляды мало волновали его; в отличие от брата, он привык жить только для себя, и мог взволноваться лишь тогда, когда посягали на его свободу, на его удовольствия.

Через несколько дней приехала из Москвы Маша. Он обнаружил ее только на третий день после ее приезда, позвонил матери. Мать была вне себя от горя и ярости. Трубку взяла у нее Маша.

- Послушай, - взволнованно сказала она. - Я много странных вещей слышала о тебе тут. Я поверить не могу. Приезжай сейчас же. Нам нужно обо всем серьезно поговорить.

- Ты хочешь поговорить со мной? - с недоумением спросил он.

- Что это значит, Футик?! - взорвалась она. - Что за нелепый вопрос?! С кем еще я могу здесь разговаривать? Твоя мать буквально убита горем, смерть Азада ее потрясла, к тому же ты ведешь себя так... Этому просто нет названия, - чувствовалось, что она себя

сдерживает изо всех сил, с языка ее готовы были сорваться ругательства, она, желая заглушить ими подкрадывающийся, непонятный страх перед впервые представшим в новом качестве, обычно покорным, уравновешенным мужем, стеснялась свекрови и ее родни и потому вынуждена была сдерживаться, чтобы не сорваться на крик и брань, что могло бы шокировать родных мужа. Переведа дух, она как можно спокойнее спросила: - Ты меня слышишь, Футик?

- Не смей меня так называть! - закричал он.

- Сюсюкать будешь со своим мужем. И вообще я не понимаю, какого черта ты приехала сюда, в Москве тебе места мало?! - Фуад, дорогой, - Маша, не сдержавшись, вдруг в голос заплакала, она теперь, после короткого разговора с ним, по-настоящему была напугана его словами, не могла уразуметь, что произошло с ее вполне нормальным мужем, отчего он так изменился, - Фуад, единственное, о чем я прошу тебя, приезжай сейчас домой, умоляю. Мне надо видеть тебя, говорить с тобой. Я знаю, я часто бываю неправа, обижаю тебя, раздражаю, прости, поверь мне, сейчас тебе трудно, я понимаю, поверь мне, самое важное в этой ситуации - нам встретиться, поговорить. Я прошу тебя... Вот и мама твоя здесь стоит, плачет... Она тоже очень просит тебя вернуться... Мы не можем понять, что с тобой происходит, мы страшно беспокоимся о тебе...

- Не надо беспокоиться, у меня все нормально. Я заскочу, как только смогу, - сказал он, повесил трубку, плечами пожал. Все с ума посходили, сказал он самому себе. Итак, подведем итоги: из Москвы приехала Маша, тогда как Фуад там остался, спрашивается, какого хрена она прикатила - разлад в семье? Желание заручиться их поддержкой в борьбе против мужа-деспота? Но всем известно, что тише Фуада нет мужа на всем свете... Тогда что она от них хочет, что от него хочет? Ну ладно, черт с ней, баб не разберешь... С мамой дома тетя, она позаботится о маме, он им оставил в прошлый раз деньги, которых, принимая во внимание их расходы, может им хватить на год. Маша побудет и уедет, ничего страшного. Ну, вроде все нормально пока... Только почему они все называют его Фуадом, а эта московская курица даже - Футиком? Черт, надо же, и как это брат терпит такое? Впрочем, ему наверняка по нраву подобное сюсюканье, лежит себе на диване, ковыряет в носу, мечтая о чем-то несбыточном, а она сидит рядом, гладит его по голове и приговаривает: Футик, ты мой дорогой, Фу-ти-ти-ти... Тьфу! Он чуть не налетел на девушку на тротуаре, замешкавшуюся возле витрины магазина, что-то там разглядывая. Она была очень эффектна и многие мужчины, проходя мимо, обращались на нее - высокая блондинка, длинные, нехарактерные для этих мест, русые волосы были прекрасно расчесаны и волной опускались ниже плеч, короткая, слишком смелая юбка оголяла стройные ноги, породистые, красиво очерченные. Он несколько мгновений не сводил с нее глаз. Она глянула на него и улыбнулась.

- Что, не узнал? - спросила девушка.

- Ну... м-м... э-э-э... - промычал он, - почему же...

- Совсем спятил? - она тихо, коротко рассмеялась таким чувственным грудным смехом, что он чуть не задрожал от

желания тут же на улице обнять ее. - Фира я, ну, Фаридла, глаза разуй, волосы только перекрасила, а ты уж и не узнал... Или не хотел узнать, а честно?

- Да что ты, как не узнал, - осмелел он. - Я узнал. Вижу - Фаридла стоит, да только вроде бы потемнее она была в прошлый раз...

- Так уж ты и помнишь прошлый раз, - махнула она рукой. - Не вешай мне лапшу...

К ним приковыляла нищенка, она была до того старая, что с лица ее стерлись национальные черты. Он не глядя вытащил из кармана бумажку и подал. Тут же потянулись к нему две другие нищенки, гораздо более моложе первой. Завидев бумажку в его руках, Фаридла ахнула.

- Крыша поехала у тебя, что ли?! Посмотри, что ты ей подаешь, придурок! - она выхватила у нищенки купюру и мгновенно, с ловкостью фокусника, вынув из сумочки другую, подала той, да так, что нищенка даже не поняла, что произошло, потом решительно взяла его под руку и повела по улице.

- Что это с тобой? Ты же дал ей пятьдесят долларов! Для меня тебе иногда столыника жалко было, помнишь? Да шучу, шучу... Ты вечно, сколько тебя знаю, деньгами швырял...

- Да я только хотел посмотреть, как ты среагируешь, - сказал он, оправдываясь.

- А, понятно, - сказала она. - Ну вот я и среагировала, - она повертела в пальцах отвоюванную купюру, непонятно - то ли возвращая, то ли не очень.

- Что скажешь, заслужила? - она помахала бумажкой перед его носом.

- Бери, - сказал он.

Она коротко, как и в первый раз, но теперь с торжествующими нотками в голосе рассмеялась и спрятала деньги в сумочку.

- Сама не знаю, почему я это делаю, - улыбаясь, вздохнула она.

- Мне ведь не в прок не заработанные деньги. Может, дашь мне возможность отработать? Или ты как всегда торопишься? Пойдем куда-нибудь, я сделаю тебе минет...

- Ну, я не знаю, - он пожал плечами.

- Просто я сегодня богатый...

- Тогда, может, угостите бедную девушку чем-нибудь, кроме воды из фонтана?

- Вообще-то, мне надо зайти в одно местечко...

- Да! - неожиданно вспомнила она. - Что это за чушь мне говорили... Господи, кто же говорил, не могу вспомнить... Дай бог памяти... Нет, не вспомню... Ребята говорили, что ты умер. Ей-богу, не вру. Умер, говорят, Азад от какой-то болезни, э-э-э... да, от менингита... Я еще подумала, разыгрывают меня, придурки, ну вас к черту, говорю... Да, думаю, как же, умрет он от менингита, жди, если умрет, так уж скорее от сифилиса или СПИДа...

- Тьфу! - в сердцах сказал он. - Тилун тебе на язык! Какие гадости говоришь...

- Прости, милый, - сказала она, тесно прижавшись к нему боком, так что даже столкнула его с тротуара. - Я больше не буду. Я буду хорошей девочкой, не сердись...

Через неделю, безрезультатно прождав его почти десять дней, уехала в Москву Маша, так и не поняв, что слу-

чилось с ее мужем. Когда он пришел домой, мать была одна - сидела, безвольно опустив плечи, глядя на кусочек ясного неба, заглядывавший в окно веранды, шевелила губами - говорила беззвучно сама с собой. Ее оставила одну со своим горем, и она как умела справлялась с ним. Увидев его, она встрепетулась, словно ожила на миг, будто потеряв навечно одного сына, теперь готова была всей жизнью своей отстоять от опасности другого. Она рассказала ему, что Маша уехала в слезах, ничего не понимая и умоляя, чтобы он позвонил ей в Москву, потому что уже плохо надеялась, что он может приехать.

- Мам, - сказал он. - Объясни мне, пожалуйста, какое имеет ко мне отношение жена Фуада, или, как она его называет, Футика? Зачем она вообще приезжала к нам, оставив там мужа?

Мать тихо заплакала, с ужасом глядя на него.

- Что ты, мам, - ласково проговорил он, взяв ее за руку, погладил по этой маленькой, натруженной руке.

- Что ты? Не надо... - Сынок, - сказала она, не в силах прекратить плач. - Ведь ты и есть Фуад. Азад умер. С тобой что-то произошло. Ты - Фуад, Фуад...

Он некоторое время удрученно смотрел на нее.

- Ладно, - сказал он решительно. - Сейчас я тебе докажу. Помнишь, в детстве, кажется, нам было тогда по семь лет или около того, осенью должны были в школу пойти, мы на пляже купались, на Приморском, и я сильно поранился об железку, торчащую из песка...

- Это Азад поранился, - сказала мать.

- Вот я и говорю. Я поранился, а вы с папой покойным перепугались страшно, папа на своей старой "Победе" поехал нас в больницу, и там мне наложили швы на спину. Помнишь? У меня до сих пор между лопаток большой шрам, все думают - от ножа. Вот, теперь смотри, - он снял рубашку, стянул с себя майку. - Ну? Убедилась?

- Сынок, - сказала мать усталым голосом. - У тебя на спине нет никакого шрама.

- Нет шрама? - повторил он за ней и встревожено посмотрел на мать, подошел к ней и снова взял ее осторожно, нежно за руку. - Ма, пойду на базар, куплю продуктов. Тебе чего хочется, хочешь что-нибудь вкусенькое, а, мам?

- Не надо, - сказала она. - У нас все есть. Ведь мы справляем поминки по Азиду. Ты не забыл? Каждый четверг приходят родственники и близкие. Готовить приходится человек на сто... Твои тети помогают, твои сестры двоюродные...

- Да, чего-чего, а родных у нас навалом, - усмехнулся он. - Ладно, ма, мне идти надо. Я тебе денег оставлю... Я позволю, - и он торопливо вышел, плотно прикрыв за собой дверь, и мать, оставшись одна, долго смотрела на эту дверь, прикрытую без стука, но так решительно и плотно, будто сын ее желал воздвигнуть глухую стену между собой и ею. И она снова заплакала - что ей было делать? - заплакала, обаянная страхом и ужасом, видя, что творится с ее единственным теперь сыном, и не в силах помочь, не умея прийти на помощь.

(Продолжение следует)